

ОПЫТ СТРУКТУРНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ТАЙНЫХ ЯЗЫКОВ (на материале тайных языков России XIX века)

В статье делается попытка лингвистической классификации различных типов тайных и условных языков (на материале тайных языков России XIX в.).

Ключевые слова: историческая лексикология, история русского языка, социальные диалекты, арго, жаргон.

M. Priemysheva

STRUCTURAL CLASSIFICATION OF THE SECRET LANGUAGES (Based on the Material of the Secret Languages of Russia of the 19th Century)

A linguistic classification of various types of the secret languages of Russia of the XIX-th century is suggested.

Keywords: historical lexicology, the history of the Russian language, social dialects, argot, jargon.

Словосочетание «тайные языки», активно употребляющееся лингвистами, не имеет, однако, строгого терминологического определения. Обычно оно используется исследователями наряду с сочетаниями «условные» или «искусственные» языки и под ним понимается, как правило, ряд неоднородных лингвистических явлений. Ср.: «Тайные (условные) языки — традиционное название ряда жаргонов, которые использовались относительно замкнутыми социальными группами — бродячими торговцами, ремесленниками-отходниками, нищими» [1, с. 502].

Несмотря на номинальные различия тайных языков («ряд жаргонов») и социальные различия их носителей, можно

предполагать, что перед нами все же идентичные лингвистические объекты, так как их объединяет ряд выполняемых специфических коммуникативных функций (социально-символическая, игровая, эзотерическая), не свойственных другим формам народной речи или представляющих иную их иерархию, и определенные закономерности лексико-семантической организации.

Особенным периодом в истории русских тайных языков оказывается XIX век: социально-экономические и политические условия способствовали как социально-профессиональной дезинтеграции общества, так и интеграции асоциальных элементов в некие корпорации, что явля-

ется важным фактором появления новых социально-детерминированных форм речи. Важно также и то, что именно в XIX веке этот языковой материал целенаправленно становится объектом исследования этнографов и лингвистов.

Вот как описывает языковую ситуацию в сфере искусственных языков в XIX веке С. В. Максимов в книге «Сибирь и каторга»: «Похожий на офенский существует язык у кинешемских и вообще костромских макарьевских и кологривских шерстобитов, уходящих в Восточную Россию, в Сибирь... Имеется свой язык у буюевских мелочников-гребенщиков, ходящих по столичным дворам. Подмечен искусственный язык у нищих, где нищенство превратилось в правильно-организованный промысел (во Владимирской, Тверской, Рязанской и Московской губерниях). “Картаво” умеют говорить лошадиные барышники, руководствуясь нужными для тайны цыганскими словами. Языки эти в народе слывут под разными прозвищами: кантюжного (собственно нищенского), галивонского (шерстобитов), ламанского или аломанского (тот же офенский), байковый или мазурницкий, музыка» [9, с. 409].

«Перечислить все условные (тайные) языки или жаргон отдельных классов — нет никакой возможности, ибо здесь — открытое и безграничное поле самой пылкой фантазии, причем каждая риторическая фигура, будь то метафора, ирония, аллегория и т. д., однажды принимаясь известным кружком, тем самым уже получает в нем право гражданства...», — пишет этнограф П. Тиханов [20, с. 118].

Как отмечается в анонимной статье «Раскольническая переписка», для написания важных и секретных писем «раскольники употребляют большею частью особый язык, понятный вполне только тем, к кому пишется. Язык этот, сколько известно, трех родов: тарабарский, или

шифрованный, иносказательный и офенский... Так называемый офенский язык раскольников есть язык ходебщиков или разнощиков, которые с разными мелочными товарами ... ходят, для продажи их, по всей России, даже в Царство польское» [17, с. 263]. «На языке офеней переписывались белокриницкие (австрийские) раскольники с московскими и вообще живущими внутри Империи» [9, с. 409]. Показательными в этой связи являются статистические данные: по результатам работы комиссии Министерства внутренних дел по «счислению раскольников» (в 50-е годы), членом которой был П. И. Мельников, неофициальное число раскольников оказалось «от десяти до девяти миллионов» (1851 г.) [11, с. 394], тогда как общее число жителей всей Российской империи по переписи населения 1851 года составляло 69 миллионов [7, с. 75]. На примере данных о числе раскольников с определенной долей вероятности можно предположить, что достаточно большое число жителей России были знакомы с той или иной формой тайноречия.

Более того, рассматривая материалы офенского языка, языка орловских старцев, калужских портных и прасолов, катрушницкий лемезень могилевских шаповалов, любецкий лемент или лемент могилевских и минских нищих, лирницкий или лебийский язык подольских лирников, язык галицийских лирников, черниговских старцев, черниговских шаповалов и харьковских нищих (невлей) В. В. Стратен, как в свое время и В. И. Даль, отмечает: «наиболее важное, что бросается в глаза даже из небольших сделанных сопоставлений — это взаимное родство различных арг» [19, с. 131].

Очевидным дифференциальным свойством тайных, условных языков оказывается функционирование их как системы знаков, принципиально оппозиционной и литературному языку, и территориаль-

ным диалектам, а также — как системы знаков, принципиально ориентированной на наличие дополнительной — социально-символической — информации. Вспомним наблюдение социальных психологов: «Внутри каждого социального мира вырабатывается особый согласованный мир; переживания категоризируются особым образом и для обозначения таких значений используется специальная система символов. ...Словарь любой группы, если он отличается от общего словаря, является прекрасным показателем ее интересов и занятий. Особые символы относятся к особым различиям, которые необходимы для выполнения действий, характеризующих группу. Развитие таких особых языков создает в дальнейшем барьеры, отделяющие группу от посторонних, ибо последние часто совершенно не в состоянии понять, что было сказано» [22, с. 114].

Можно, таким образом, утверждать, что тайный, условный или искусственный язык — это сознательно или традиционно кодируемая знаковая система, наличие которой в той или иной социальной группе — обязательное условие ее социального престижа (в данной социальной нише), способ идентификации ее членов, некий социальный барьер между данной группой и обществом или другими группами. Важно также отметить, что тайные и условные языки — это не только социально-символические языковые системы, это еще и одна из специфических форм устного народного творчества, и — шире — одна из форм народной языковой игры.

Обращает на себя внимание не только лексическая общность целого ряда языков, носителями которых являются представители различных социальных групп. Мы бы хотели подчеркнуть, что лексические единицы зафиксированных тайных языков не выходят за пределы нескольких структурных лингвистических типов,

а это позволяет говорить об определенных закономерностях этой языковой игры. Более того, эти типы лексических единиц определенным образом могут быть классифицированы. Проанализированные материалы более чем 40 условных языков позволяют утверждать, что предлагаемая классификация достаточно универсальна и потенциально обнаруженный новый язык будет состоять из элементов, каждый из которых можно будет отнести к уже определенному типу.

Спецификой тайноречия является коммуникативная направленность говорящих на сознательное сокрытие *содержания* акта коммуникации за счет создания (или традиционного использования) какой-либо условной языковой *формы*: именно *форму* языкового знака мы взяли за критерий структурной классификации.

Ввиду того, что данный материал *в своей совокупности* на материале русского языка не систематизировался*, мы вынуждены ввести некоторые терминологические наименования, необходимые для более точной характеристики предмета.

Чётко выделяются два типа русского тайноречия, которые мы условно назовем *номатическим* (от лат. *nomēn* — ‘имя, название’) и *семантическим*. К первому могут быть отнесены такие типы языковых единиц, в которых «условной» оказывается *форма* слова (преимущественная часть офенского языка, языков торговцев, ремесленников, языков нищих, часть воровского словаря); ко второму — такие, в которых условными оказываются *значения* общеизвестных слов (часть воровского словаря, «иносказательный» язык раскольников, «терминология» и символический язык сектантов, масонов).

Номатический тип тайноречия данного языка, при котором кодируется словесная форма и ей условно сообщается традиционное значение, принципиально

ориентирован на невозможность или трудность выявления внутренней формы слова, на отсутствие традиционных ассоциаций у посторонних слушателей. Тип номинации предполагает скрытие *содержания* акта коммуникации, но при этом сам *акт коммуникации*, хоть и направленный на это сокрытие информации, не скрывается. Наиболее точно этому типу может соответствовать полутерминологическое наименование — «условные языки».

Ср., например, фрагмент разговора одоевских торговцев [13, с. 153]:

«Спруш, поклим с масом терман керить.

— Поклим! Мас стяхну терман.

— А мас тарна стяхнет»**.

Или, например, фрагмент разговора на кантюжном языке нищих из романа Д. Григоровича «Переселенцы»:

— Ступайте на деревню; мало ли дворов... там и ночуйте, — сказала Грачиха.

— Были, касатка, да лунёк много добре, лютые такие, к рыму не подпускают, — заметил посмеиваясь козлячий голос. — Пусти, тетка; сушак свой; меркош, не зеть ничего; отцепи, масья; пошли бы дальше да лошади стали, — добавил он...

— Не впервые у тебя ночуем; пусти! — буркнул бас...

— Перебушки растерял, вершать нечем, без котюра стал! — пояснил козлячий голос» [8, с. 210].

Номатический тип тайноречия можно условно разделить на три подтипа (при учёте различной мотивированности «игровой» формы его элементов).

1. *Немотивированное слово* (слово с неявной внутренней формой, часто — заимствованное). Стремление к употреблению «непонятной» для окружающих лексики является основным принципом «развития» или «видоизменения» того или условного языка. Столичные вору XIX века первоначально имели в качест-

ве заимствованных элементов множество слов условных языков торговцев, в том числе и офенского языка (практически все с неявной внутренней формой), а в конце XIX века очевидной тенденцией развития воровского языка России становится ориентация на более «непонятный» язык одесских воров — *блатыкаин, скокарь, моравихер, бимбер, шопенфеллер, ципер, тувель, фертицер, унгибер*, который, в свою очередь, генетически связан с немецко-еврейским жаргоном.

Несмотря на то, что генезис отдельных слов устанавливается достаточно проблематично, для целого ряда слов он все же очевиден. Более того, направление процесса заимствования позволяет делать выводы о преимущественных исторических и территориальных контактах той или иной социальной группы, о месте ее возникновения. Для ранних форм офенского языка очевиден путь заимствования из греческого. Например, *вокса* (лес), *гальмо* (молоко), *декан* (десять), *ён, ёный* (один, первый), *керить* (пить), *кимать* (спать), *клёво* (хорошо), *кресо* (мясо), *микро* (мало), *офес* (бог, крест), *пулить* (продавать), *троить* (есть), *меля* (мёд) и мн. др. [2]. Вспомним, что аргю французских воров также частично восходит к греческому языку, именно поэтому ряд французских лингвистов происхождения слова *арго* возводит к названию греческого города Argos [12, с. 148–149]. Для болгарских тайных языков основным источником заимствования оказываются тюркские языки [18], для немецкого языка воров (ротвельша) — еврейский язык [23] и т. д. Так, среди других языков-источников офенских языков, языков нищих, ремесленников В. Д. Бондалетов и ряд других исследователей называет финно-угорские языки, цыганский, польский и некоторые другие [3, 5, 6, 15, 21]. Как в свое время отмечал В. Д. Бондалетов, заимст-

вованными могли быть и диалектные слова собственно русского языка, но неизвестные в данной местности.

2. *Слово, образованное на основе немотивированного слова при помощи русских формантов.* Например, *вершать* — смотреть: *вершалница* — зеркало; *вите-реть* — писать: *витерицик* — писарь; *ду-лить* — жечь: *дулик*, *дульяс* — огонь, *дульясный* — рыжий, красный; *стод* — бог: *стодный* — богатый, *стодено* — богато, *стодиться* — молиться и т. п. В работе В. Д. Бондалетова [4] рассматривается богатейший словообразовательный потенциал русского тайноречия, который доказывает «естественное» его функционирование.

3. *Искусственно созданное слово.* Очень частотны во всех условных языках искусственные образования — слова, образованные путем перестановки слогов (например, *рапо* — пора), подстановки традиционных формантов и т. п. Из условных славянских языков И. В. Ягич, например, выделил более 200 слов, образованных при помощи формантов *ку-*, *ши-*, *шу-* и ряда других [24]. Ср.: *кучет-верть*, *кузлото*, *курembro*, *шивар*, *широб-ка*, *ширман* (ср. *ширмач* — карманник), *широго* (дорого), *широгоа* (дорога), *шир-говать*, *ширговец*, *шур* (вор), *шуровать* (воровать) и т. д. Ярким примером такого искусственного образования можно считать и наиболее популярный вид *тайнописи*, широко используемый в XIX веке и в устной форме, — *тарабарскую грамоту* [16], разговоры *по херам*, *по шицу* (В. Даль, Н. Помяловский, С. Максимов). Этот тип преимущественно используется и в детских тайных языках.

Семантический тип тайноречия может быть соотнесен с термином «тайные языки», так как кодированные (условные) значения общеупотребительных слов не позволяют окружающим выявить сам аспект «символической» коммуникации. В этом типе тайноречия доста-

точно очевидна ассоциативная основа символизации или переноса значения общеупотребительного слова. При знании системы ценностей той или иной социальной группы, идеологической зоны ее оппозиционности официальной культуре становится понятной система выбранных слов русского языка, соответствующих «скрываемой» понятийной зоне, а также принцип новой символизации этих смыслов.

Ср., например, «Мы купили соль, да сырую, просушили ее на рогожках, да ссыпали в сусек. Теперь не страшно, что рыба протухнет: посолим ее; так и зимою будет не голодно и на базар за съестным хоть не езд, и дома сыт будешь»***.

Поскольку в этом типе тайноречия определяющим оказывается традиционная форма слова, следовательно, «кодируется» значение слова. Этот тип также может быть подразделён на три подтипа.

1. *Условно-символическое номинативное значение* (часто — идеологически мотивированное). Слово приобретает условное значение: оно либо мотивировано с позиции идеологической (может быть принятым в данной группе символом понятия) или обусловлено установкой говорящих на принципиальную обыденность (нейтральность) контекста.

Символически и идеологически обусловленной является «христианская» лексика хлыстов и скопцов. Основой прецедентности целых «терминологических» блоков становятся по-особому понимаемые фрагменты Ветхого Завета и Откровения Иоанна Богослова. Приведем примеры «условной терминологии» скопчества: *Иерусалим*, *Давыдов дом*, *Святое место* — Собор (место радений); *истинная апостольская церковь*, *тайная вечера* — собрания скопцов, *Бог*, *Иисус Христос*, *Святой Дух* — пророк скопцов; *апостолы* — братья, помощники пророка; *черные враны* — правительство; *иудеи*, *фарисеи*, *злые люди*, *лютые звери* —

православные; *огненное крещение* — оскопление; из оскопленных, по степени близости к пророку, выделяются *Херуимы, Серафимы, Архангелы, Ангелы, Апостолы, Пророки, Учители* [10, 14].

2. *Условное номинативное значение* (обычно немотивированное, редко — фонетически или референциально — обусловленное). Ярким примером этого подтипа может служить употребление имен собственных в значении нарицательных. Ср. в языке мазуриков: *Фома Иванович* (от «фомка») — лом, *Сергей Иванович* (от «серёжка») — висячий замок, *Алексей Алексеевич, Алёшка* — лакей, *Каролина Ивановна* — кистень, *Жорж* — мошенник, в языке нищих: *Иван Тоций* — голод.

Немотивированными (для непосвященных) оказываются значения целого ряда общеупотребительных слов и словосочетаний, например, *зекс* (*шесть*), *двадцать шесть!* — опасность! предостерегательное восклицание тюремного арго и т. п.

3. *Условно-метафорическое значение*. Ср., например, в языке петербургских мазуриков: *аршин* — купец, *глаз* — паспорт, *бирка* — фальшивый паспорт, *весло* — ложка, *шмель* — кошелек, *фараон* — будочник, позднее — *паук, стрела* — казак, *музыкант* — вор, *мякоть* — подушка в экипажах и т. п. Наиболее широко метафоризация представлена в языке воров. Именно направление ассоциаций (перенос по сходству с обязательной оценочностью, сарказмом, иронией и т. п.) позволяет выявить особую специфическую языковую картину миру этой социальной группы.

Ср., например, различие в типе переноса в двух следующих случаях: *белые голуби* — самоназвание скопцов (*голубь* — символ чистоты), *белые голуби* (у мазуриков) — чистое бельё (обычно — на чердаке) (метафорический перенос по внешнему сходству).

Для ряда языков характерны преимущественные типы языкового кодирования. Так, для раннего офенского языка (до середины XIX века) характерен преимущественно номатический тип (первого подтипа): слова с неявной внутренней формой, вариативности по значениям практически нет. Более поздние формы офенских языков и языков ремесленников включают элементы всех подтипов номатического типа. Еще более поздние формы позволяют включение элементов метафорических переносов, что уже характеризует распад первого типа тайноречия.

Семантический тип условно-символического подтипа в большей степени свойствен религиозно-мистическим группам, таким, как раскольники, сектанты, масоны.

Раннее воровское арго является самым синкретичным типом условных языков: возникает как семиотическая система, заимствующая свои элементы номатического типа из более совершенных систем (языки торговцев, ранний офенский язык, конец XIX века — язык одесских воров) с активным включением элементов семантического типа (преимущественно последних двух подтипов).

Таким образом, в самом строгом смысле практически все условные языки, рассматриваемые как особые языковые коды разных социальных групп, активно используют элементы всех типов при наличии доминирующего. Несмотря на то, что социальный статус носителей условных языков, несомненно, важен и в основе определяет понятийную зону используемой лексики, ее формы находятся в рамках определенной языковой традиции и не выходят за пределы определенных лингвистических типов. А это, в свою очередь, позволяет говорить от общности лингвистических законов функционирования таких форм народной языковой игры, как тайные языки.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Подчеркнем, что мы рассматриваем материал «языков» целого ряда социальных групп и отмечаем их *самые общие лексико-семантические структурные типы*. В этой связи отметим, что достаточно сложная и разветвленная классификация лексических единиц арго и других условных форм народной речи была осуществлена, в частности, на материале французского языка, см. *La Grasserie R. de. Étude scientifique sur l'argot et le parler populaire*. Paris, H. Daragon, 1907.; *La Grasserie R. de. Des parlers des différentes classes sociales*. Paris, P. Geuthner, 1909. На материале кавказских языков три типа тайноречия выделил Б. Х. Бгажноков в статье «Тайные и групповые языки адыгов» в сборнике «Этнография народов Кабардино-Балкарии». Вып. 1. Нальчик, 1977. С. 109–130. На материале русских условных языков *ремесленников и торговцев* В. Д. Бондалетов в своей работе: Условные языки ремесленников и торговцев // Условные языки как особый тип социальных диалектов. Рязань, 1974. С. 33–35 выделяет восемь типов арготизмов. Заметим, что тайноречие, с одной стороны, как форма языковой игры имеет ряд общих закономерностей в языках различных народов и в различные периоды, с другой — как социально-детерминированная языковая подсистема, имеет ряд социально-исторических и этнографических особенностей. Мы можем, таким образом, только учитывать аналогичный систематизаторский опыт, но не можем его полностью использовать при анализе лингвистического материала достаточно большого объема, относящегося к конкретному историческому периоду развития русской языковой культуры.

**Перевод: «Товарищ, пойдем со мною чай пить. — Пойдем! Я возьму чаю. — А я вина возьму».

***Перевод, данный в статье «Раскольническая переписка» [17, с. 270]: «Мы сманили от Церкви священника, исправили его на Рогожском кладбище и поместили при своей часовне. Теперь не страшно, что души наши погрязнут в грехах без покаяния: есть у кого исповедаться; и старым людям теперь очень хорошо: не надобно уже возить их в село для причащения, можно и дома причастить их».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арапов М. В. Тайные языки // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. С. 502. Ср. также: Русский язык: Энциклопедия. — М., 2003. С. 553–554.
2. Бондалетов В. Д. Греческие элементы в условных языках русских торговцев и ремесленников // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 7. — М., 1972. С. 19–62.
3. Бондалетов В. Д. Иноязычная лексика в русских арго: Учебное пособие к спецкурсу. Куйбышев, 1990. — 112 с.
4. Бондалетов В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство: Учебное пособие к спецкурсу. — Рязань, 1980. — 75 с.
5. Бондалетов В. Д. Финно-угорские заимствования в русских арго. — Самара, 1992. — 60 с.
6. Бондалетов В. Д. Цыганизмы в составе условных языков // Язык и общество. — Саратов, 1967. С. 235–243.
7. Брокгауз Ф. А., Эфрон И. А. Энциклопедический словарь. — СПб., 1899. Т. 54.
8. Григорович Д. И. Переселенцы // Сочинения: В 3 т. Т. III. — М., 1988. С. 163–606.
9. Максимов С. В. Тюремный словарь и искусственные байковые, ламанские и кантюжные языки // Сибирь и каторга. Т. I. Приложение. — СПб., 1891. С. 382–411.
10. Мельников П. И. Материалы для истории хлыстовской и скопческой ересей. Отдел II. Свод сведений о скопческой ереси из следственных дел // Чтения ОИДР. 1872. Кн. 2. — М., 1872. Отдел Смесь. С. 35–205.
11. Мельников П. И. Счисление раскольников // Полное собрание сочинений. — М.; СПб., 1898. Т. XIV. С. 354–395.
12. Моро-Кристоф Л. М. Мир мошенников. Физиология мира мошенников / Пер. с фр. — М., 1867. — 178 с.
13. Н. Я. Материалы для словаря условного языка. («Масовский» язык одоевских торговцев) // Этнографическое обозрение. 1897. № 2. С. 152–155.
14. Надеждин Н. И. Исследование о скопческой деятельности. — СПб., 1845. — 504 с.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

15. *Попов А. И.* Из истории лексики языков Восточной Европы. — Л., 1957. — 128 с.
16. *Приемышева М. Н.* Тарабарская грамота // Русская речь. 2007. № 4. С. 106–110.
17. Раскольническая переписка // Православный собеседник. 1866, апрель. С. 263–278.
18. *Стойков С.* Социальные диалекты // Вопросы языкознания. 1957. № 1. С. 78–84.
19. *Стратен В. В.* Арго и арготизмы // Труды комиссии по русскому языку. 1931. Т. I. С. 111–147.
20. *Тиханов П. Н.* Черниговские старцы. Псалки и криптоглоссон // Труды Черниговской губернской архивной комиссии 1897–1898. Вып. I. Отд. 2. — Чернигов, 1899–1900. С. 65–158.
21. *Шаповал В. В.* Цыганские элементы в русском воровском арго (размышления над статьей акад. А. П. Баранникова 1931 г.) // Вопросы языкознания. 2007. № 5. С. 108–128.
22. *Шибутани Т.* Социальная психология. — М., 1962. — 538 с.
23. *Francisque-Michel.* Études de philologie comrareé sur l'argot et sur les idiomes anatlogues parles en Europe et en Asie. — Paris, 1856. — 520 с.
24. *Jagič V.* Die Geheimsprachen bei den Slaven // Sitzungsberichte der kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-Historischeklasse. Bd. CXXXIII. — Wien, 1895. — 95 с.